

Источники объективного знания

Андрей Бунин (Образовательная программа «Философия»)

Аннотация

В статье на основе исторических примеров и наиболее значимых работ исследователей науки выявлены основные принципы формирования и функционирования научного знания, источники его возникновения и способы передачи между разными культурами. В работе также обнаружена взаимосвязь географического детерминизма с ролью таких сообществ в производстве знания в истории. Переложение выявленных критериев успешности науки и научного знания на существующие принципы и особенности конъюнктур восточного и западного знания, позволило сделать выводы о справедливости концепций моноцентричности и полицентричности источников объективного знания.

Ключевые слова: объективное знание, западная наука, научное сообщество, рациональное знание, социальные институты, кросскультурный обмен, научный полицентризм, Карин Кнорр-цетина, Рэндалл Коллинз

Введение

Принято считать западную науку единственным источником, которому, на основе исторических особенностей, может быть доступен комплекс рациональных и объективных знаний. Это положение исходит из того, что именно в Европе зарождались и аккумулировались формы объективного познания мира и рациональные научные методы, что позволило сформировать базу истинного научного знания. Это привело к моноцентричности научного знания в современности. Однако, чтобы понять, действительно ли в Европе исторически сформировалось объективное знание, нужно разобраться в самой природе такого знания. В работе мы постараемся с разных сторон посмотреть на источники объективного знания, его формирование и результаты его применения.

В первую очередь, нам стоит определиться с тем, что будет включено в дефиницию объективного знания. Сюда можно отнести знание, основанное на наиболее полном и рациональном рассмотрении особенностей предмета изучения и его конъюнктуры, с детальным пониманием механизмов и принципов его действия. Знание, которое выстраивается систематически, с использованием рациональных методов, и потому оно дает возможность максимально приблизиться к познанию объективных истин.

Также важно определить, что есть успех науки, и в чем он может быть выражен. Другими словами, нужно найти дискрипцию того, что на выходе дает объективное знание, по владению которым научное сообщество и отличается от любого другого. И выяснить, по каким результатам мы можем судить об успешности научной деятельности той или иной группы ученых.

Наиболее существенным вариантом успеха науки можно считать научные изобретения, которые в корне меняют жизнь человека. То есть такие новшества, которые меняют не только формат и принципы жизни, культуру и привычные образы, но и само сознание человека. Вместе с ними и более простые изобретения, которые форматируют образ жизни (без проникновения в сами основы его бытия) – прикладное повышение удобства. Такой подход к эффективности науки наиболее прагматичен и настроен на результативность, показывает самые очевидные и открытые данные. Другим типом успеха науки можно считать развитие научных теорий, основ, механизмов, по принципам которых функционируют те самые передовые открытия.

Источником рационального знания в частных случаях может выступать лицо, отделенное от научного сообщества, от научной сферы в целом. Однако каким может быть знание, продуцируемое им в изоляции от такого сообщества, и можно ли вообще обеспечить исследователю полную изоляцию от него? Можно ли такое знание назвать объективным в том смысле, в каком мы определили его? Ответ на оба вопроса – нет. Субъект, занимающийся производством знания, – важное звено в цепи научной кооперации и научной преемственности, длительность которой уходит в столетия. Человек, занимающийся наукой, должен занять свое место, стать звеном этой цепи: он может ПОГЛОЩАТЬ, репродуцировать, генерировать, корректировать знание, но в любом случае их связь выстраивается при посредничестве и участии научного сообщества.

Научное сообщество через многовековые традиции имплицитно создает, аккумулирует и систематизирует научное знание, а познающий субъект – последнее звено в механизме реализации знания. Его формирование через выбранного человека происходит в разные моменты, но с необходимостью через влияние исторических особенностей научного сообщества. Знание, прежде чем принять свой окончательный облик, должно пройти через

социальные институты научной среды. Если все же представить человека, который сгенерировал рациональное знание в изоляции от научной среды, такое знание потеряет систему, необходимый хребет, который вкладывает в него научное сообщество. Знание останется внешне верным, но внутренность такого знания не может позволить ему стать рациональным. Именно поэтому объективность знания определяется особенностями его формирования, влияния среды на продуцирование.

Одним из главных критериев, по которым можно идентифицировать истинное научное знание, в отличие от ненаучных практик, можно считать его «встроенность» в социальные институты. Социальные институты определяют легитимные и девиантные методы и подходы. Значит, такие институции создают рамки, обуславливают самостоятельность и независимость науки от экзогенных вмешательств. В таких институциях исследователя подталкивают и мотивируют к продуктивным исследованиям, но, что не менее важно, ограничивают отхождения от нормы, проверяют и обеспечивают валидность мнений. Именно в таких сообществах возникает научный успех в тех проявлениях, что мы описали. Таким образом, человек, использующий нерациональные и ненаучные подходы, может делать верные выводы; но предпосылки, методы его исследования, или же сама форма его познавательной активности не позволяют этим знаниям быть рациональными и иметь допустимую для научного знания регулярность.

Научное познание восточных народов, которое можно рассматривать как альтернативное европейскому, в Индии и Китае определенно стремилось к истине и объективному познанию, но в отсутствии сформированных институтов, в которые научное знание могло бы быть встроено, их система познания скорее прибегала непосредственно к форме познания магов – нерегулярной, бессистемной и хаотичной. В то время как такого рода социальные институты исторически развивались на территории Европы.

Эту идею развивает в своем труде «Explaining the success of Science: Beyond epistemic realism and relativism» Ларри Лаудан¹. Предвестниками серьезных социальных институтов были широко известные школы философов, в которых изучали математику, астрономию,

¹ *Laudan L. Explaining the Success of Science: Beyond Epistemic Realism and Relativism. In: Science and Reality. Indiana. University of Notre Dame Press, 1984. P. 88.*

естествознание. Первыми из таких были, например, Академия Платона и Ликей Аристотеля. Конечно, сам предмет изучения сложно называть в современных терминах столь же научным, сколько предмет обсуждения Венского кружка, однако такие собрания были одной из первых форм проявления встроенности научного познания в социальные институты. Более значимым примером можно считать образование училищ при соборах в Болонье и Памире в XI веке, в Перудже, Пизе, Монпелье, Париже, Орлеане, Оксфорде, Кембридже и в других городах в XIII веке. В них начали централизованно и программно заниматься рациональным познанием, изучением единых истин. В университетской среде стала зарождаться общая научная конъюнктура, которая со временем объединила ученых и научные подходы и между университетами разных стран.

Университеты в средние века становятся еще и сильным средством политической борьбы – выпускники обосновывали режим монарха, действовали в научном поле исходя из его выгоды и интересов. Еще позже, в XVI-XVII веках, создаются первые научные академии: Лондонское Королевское общество, Парижская Академия наук, научные академии в Берлине. В них уже образованные люди обретали не просто работу, но профессию и статус ученого. Оформилось полноценное научное сообщество, в рамках которого встречались разные талантливые ученые, которые в кооперации создавали и открывали принципиально новое знание.

Во имя прогресса перманентно наращивались темпы и конкуренция в процессе производства знания, что значительно стимулировало расширение и углубление науки. Именно такие события Рэндалл Коллинз считает главным толчком для подъема научных открытий в его теории сетевых карт². Центрированное скопление профессиональных ученых дало возможность науке перейти на новый этап своего развития –многоуровневость. Можно предположить, что тот образ рационального знания, который мы привыкли видеть в современности, образ знания, стремящегося к максимальной точности и эффективности, достижению блага рациональными путями, с использованием принципов академичности,

² Коллинз Р. Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск.: Сибирский хронограф, 2002. С. 92.

научных подходов, кооперации в научном сообществе, был заложен в западной Европе, в том числе благодаря интеграции научных структур в социальные институты.

Очевидно, как тесно пересекаются культура и науки разных стран, как взаимосвязаны научные традиции мира. Конечно, до проявления значимых глобализационных процессов такое влияние было ограничено, но все же проявлялось. А значит, научные традиции западной Европы не могли формироваться изолированно – культура и наука разных стран активно взаимодействовали. Иногда эксплицитно, а иногда и имплицитно, научные тенденции приходили в Европу и с Востока. В подтверждение этому, Карин Кнорр-Цетина предложила концепцию кросскультурного обмена, отмечая, что в науке нет единообразия, но есть популярные научные подходы, которые могут расходиться с принципами научного знания. А значит – не существует единой науки³. Она ввела понятие эпистемической культуры – амальгамы мер и механизмов, скопленных посредством принятия исторических необходимостей и совпадений, которые в отдельной области определяют, как мы познаем то, что познаем.

Элементами названных практик выступают разные виды знаний и познавательной деятельности. Дж. Ганери поддержал концепцию Карин Кнорр-Цетина, используя ее для описания проблемы характеристик науки и научного европоцентризма. Он предложил полицентричную научную карту, с помощью которой можно исследовать все научные традиции и тенденции⁴. По его мнению, современная наука завязана на принципе эпистемической культуры: нет единого центра развития мировой науки и мировой культуры. В подтверждение этому можно привести индийский пятичленный силлогизм, который чаще используется в повседневной жизни и гораздо более практико-ориентирован, чем классический трехчленный силлогизм Аристотеля; арабскую числовую систему, которая используется по всему миру; изобретенные в Китае порох, компас, бумагу, книгопечатание, и прочие научные открытия, которыми мы пользуемся по сей день. Список изобретений и открытий восточных народов широк и показывает, что наука там не стояла на месте, и, хоть и была оформлена и выражена иначе, она давала широко востребованные результаты. Помимо

³ Knorr Cetina K. *How the Sciences Make Knowledge*. Cambridge; London. Harvard University Press, 1999. P. 8.

⁴ Ganery J. *A Manifesto for Reemergent Philosophy, Confluence*. Indiana. Journal of World Philosophies Vol. 4, Indiana University Press, 2016. P. 140.

прочего, благодаря тому, что наука на востоке не была централизована и встроена в институции, она не подчинялась общим канонам, а значит была шире, разнообразнее и нестандартнее.

Восточные научные открытия нельзя в полной мере называть научными – они в большинстве своем носили более эмпирический и житейский характер, часто они были созданы в религиозном контексте. Система восточного научного знания была нерациональна и не может считаться полноправным источником объективного знания. Она использовала ненаучные методы, не имела оформленности и общего курса движения. В Индии, например, философия и наука строились на ведийско-брахманистских основах, созданных жрецами, и оставались неизменными до эпохи колониализма. В Китае же научная деятельность (помимо религии) тормозилась культурными традициями. Несмотря на то, что благодаря отсутствию строгих стандартов научные практики на востоке были шире и разнообразнее, это не привело к качественному росту, и такой тип научного знания все еще можно редуцировать к знанию, основанному на мистико-религиозных традициях, хоть местами он и имел успех.

Заключение

Считаю нужным сказать, что само объективное знание может быть доступно только научному сообществу и ученым, входящим в него. Однако, предрассудок о том, что большая часть значимых научных изобретений пришла к нам именно из Европы обусловлен тем, что такие сообщества, социальные институты, интегрирующие и возвращающие знание, развивались именно на ее территории. Можно считать, что именно западная Европа стала центром аккумуляции знаний. Но ученые, отстаивающие позицию научного полицентризма, правы – нет одного единственного категорически допустимого центра возникновения и развития науки. В западной Европе была выстроена сама система знания, на основе которой развивается наука, принципы, конституирующие особенности жизненной и научной деятельности современного человека, особенности производства, потребления, передвижения, как продуктов, так и знаний. Эти принципы сделали возможными изобретения и инновации. Важно, что запад систематизировал знания и привел их к привычному для нас виду, вдохновляясь достижениями востока. Но все же, формирование самого облика современной науки – заслуга европейских ученых.

Библиография

Коллинз Р. Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск.: Сибирский хронограф, 2002.

Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: ХРАНИТЕЛЬ, 2007.

Elkana Y. A Programmatic Attempt at an Anthropology of Knowledge. Jerusalem. The Hebrew university of Jerusalem, 1981.

Ganery, J. A Manifesto for Reemergent Philosophy, Confluence. Indiana.: Journal of World Philosophies Vol. 4, Indiana University Press, 2016.

Knorr Cetina K. How the Sciences Make Knowledge. Cambridge; London.: Harvard University Press, 1999.

Laudan L. Explaining the Success of Science: Beyond Epistemic Realism and Relativism. In: Science and Reality. Indiana.: University of Notre Dame Press, 1984.

Sources of objective knowledge

Andrey Bunin (Bachelor's Program in Philosophy)

Abstract

Based on historical examples and the most significant works of researchers in this field, the article consistently considers the basic principles of the formation and functioning of scientific knowledge, the sources of its occurrence and methods of transmission over time, between different cultures. The importance of the scientific community in the process of production and transfer of knowledge is analyzed, as well as, with a retrospective view, some historical features are highlighted, the relationship of geographical determinism with the role of such communities in the production of knowledge in history. Based on the results of the research, when transposing the identified criteria for the success of science and scientific knowledge to the existing principles and features of the conjunctures of Eastern and Western knowledge, conclusions were drawn regarding the validity of the concepts of monocentricity and polycentricity of sources of objective knowledge.

Keywords: objective knowledge, western science, scientific community, rational knowledge, social institutions, cross-cultural exchange, scientific polycentrism, Karin Knorr Cetina, Randall Collins